

Цан Ицзин не врал, строительных площадок было много.

Либо строили здания, либо ремонтировали дороги.

На дорогах почти не было машин, Цан Ицзин вёл машину медленно, Чжун Жуйчжи прислонился к окну, смотря на прохожих и улицы.

— Сегодня уже поздно, я отвезу тебя поужинать, завтра поедем на море, — сказал Цан Ицзин.

— Дядя и тётя, завели ребёнка? — спросил Чжун Жуйчжи.

Он вдруг выпалил это без предисловий, заставив Цан Ицзина замолчать на мгновение, прежде чем тот кивнул.

— В последние два года я почти не возвращался домой, разве что навещал деда, — сказал Цан Ицзин. — Он всё ещё бодр, часто ездит в старый дом подрезать ветки вишнёвого дерева.

Цан Чжэнцай и Ван Дахуа были разными. Ван Дахуа полностью отрезала прошлое, живя с дочерью. Куда бы Хуан Сюэцзюань ни поехала, она следовала за ней.

Но Цан Чжэнцай был главой семьи Цан, и когда его сыновья ещё не выросли, он был её опорой. У него была своя упрямая сторона и ностальгия по прошлому, которое он не мог отпустить.

— Я когда-то строил снеговика во дворе, и он однажды ночью, не включая свет, споткнулся о него, — сказал Чжун Жуйчжи. — Тогда он сказал, что живёт в этом дворе уже несколько десятков лет, всё знает как свои пять пальцев, и свет ему не нужен.

Место, где прожил десятки лет, каждый кирпич, каждую травинку он создал и посадил своими руками.

К земле и старому дому крестьяне испытывают необъяснимую привязанность.

Это их корни.

Не только Цан Чжэнцай, но и сам Цан Ицзин думал так.

Он мог приехать в Гуандун в поисках новых возможностей, мог стоять на высоте в Центральном районе, глядя на гавань Виктория, мог сесть на самолёт, летящий на другой конец земли.

Но когда он уставал, когда терпел неудачи, когда оставался один, закрывая глаза, он

вспоминал только родные поля, старый дом, звёзды в маленьком дворе.

Родную землю невозможно отрезать.

Колосья пшеницы такие острые и тонкие, что впиваются в его кости, земля маленькой деревни, как объятия, ждёт, когда он вернётся к своим корням.

Цан Чжэнцай мог ради внуков поехать в Пекин, но его сердце навсегда принадлежало старому дому и двору, где он прожил с любимой несколько десятков лет, где он мог ходить с закрытыми глазами.

Чжун Жуйчжи тоже хотел вернуться и посмотреть на то вишнёвое дерево, он очень любил двор семьи Цан. Такой хороший двор, и он теперь пустует?

Он всегда чувствовал, что его толкает вперёд судьба, и если бы мог, он бы остался в прошлом, живя с Цан Ицзином в старом доме. Тогда, кроме того, что он не мог часто возвращаться в Пекин, всё было так прекрасно.

— Когда будет больше авиарейсов, и летать станет удобнее, — сказал Цан Ицзин, — мы сможем часто возвращаться, и я снова буду собирать для тебя вишни. Пекин и Циньхуандао близко, в прошлом году в городе запустили автобус до деревни Цюаньчжуан, дед садится на поезд, потом на автобус, и меньше чем за час уже дома. Он ездит туда каждый месяц, и дом почти не изменился.

Раньше ездили на поезде, но теперь почти всегда на машине, хотя Цан Чжэнцая укачивает в машине, и он предпочитает ездить на поезде, а вот автобус его не укачивает.

— Мальчик или девочка? — снова спросил Чжун Жуйчжи.

— Мальчик, — ответил Цан Ицзин. — Его зовут Цан Цзэюй, когда я в последний раз был дома, он ещё не говорил.

— Ты всё время в Гуанчжоу, и когда он вырастет, он тебя не узнает, — сказал Чжун Жуйчжи.

— Когда я был маленьким, и сяошу возвращался домой, я его тоже не узнавал, — ответил Цан Ицзин.

Видимо, он уже смирился с ситуацией с сяошу и тётей.

— Хорошо, — сказал Чжун Жуйчжи. — А Сяоянь цзе?

— Она вышла замуж, в деревне держит ферму, — ответил Цан Ицзин.

— Да, Вово — это она дала яйцо.

Вово в Шанхае. Имя курицы дали позже. Мы вместе высидивали его, маленький петушок.

Цан Ицзин засмеялся:

— До сих пор держишь его?

Чжун Жуйчжи кивнул.

На ужин они пошли в ресторан с гуандунскими деликатесами: жареная маринованная свинина (чашао), курица в соевом соусе, жареная свинина и жареный гусь со стеклянной корочкой.

Чжун Жуйчжи сначала не знал, как подступиться к большой гусиной ноге, с которой капал соус, но, увидев, что все вокруг едят руками, тоже перестал церемониться.

Он откусил большой кусок, корочка хрустела, мясо было нежным, соус ароматным.

— Вкусно?

— Первый укус действительно очень вкусный, — Чжун Жуйчжи съел кусочек мяса с рисом. — На самом деле, это немного жирно, в Пекине утку заворачивают в блинчики, чтобы впитать жир.

Он говорил так, но ел быстро. В Шанхае тоже много деликатесов, мясо в соевом соусе, фрикадельки, весной ещё есть бамбуковые побеги.

Он очень любил бамбуковые побеги.

— Что, приглашаешь меня? — Цан Ицзин, как всегда, умел уловить намёк.

— Просто болтаем, не думай слишком много, — сказал Чжун Жуйчжи. — Еды слишком много, возьми два контейнера, заберём с собой.

Поскольку гусиная нога была слишком большой, а жареную свинину и курицу в соевом соусе Чжун Жуйчжи попробовал только по кусочку.

Цан Ицзин, кажется, больше любил чашао, съел его с рисом.

— Жареная свинина остынет, и корочка уже не будет хрустящей, — он положил кусочек в рот Чжун Жуйчжи. — Давай поделим её, что-то ты стал меньше есть. Ты похудел, наверное, в Шанхае едят слишком аккуратно, маленькие тарелки, и ты стесняешься добавить себе, вот и похудел.

Чжун Жуйчжи рассмеялся:

— Ты что обо мне думаешь? Я бы постеснялся добавить себе риса?

Гуандунская жареная свинина, хрустящая корочка, жир с мясом, один укус — и рот наполняется соком, мясо мягкое, не сухое.

Ещё не успели переварить ужин, как Цан Ицзин уже запланировал завтрашний утренний чай.

После ужина они прогулялись по проспекту Шэньнань, чтобы помочь пищеварению. В то время проспект Шэньнань был просто немного шире обычной дороги, посередине её пересекала железная дорога, и они шли вдоль рельсов.

— Это железная дорога в Гуанчжоу, — сказал Цан Ицзин. — По плану проспект Шэньнань должны расширить, но этот участок железной дороги трогать нельзя, и пока не решили, как это сделать.

— Как это можно сделать? — спросил Чжун Жуйчжи.

— По-моему, нужно всё снести и перестроить, железную дорогу перенести, — он шёл задом наперёд, лицом к Чжун Жуйчжи, и на его лице было оживление. — Построить над дорогой эстакаду.

— А машин-то хватит? — спросил Чжун Жуйчжи.

— Хватит, — сказал Цан Ицзин. — Но пока даже этот участок железной дороги не могут снести. В переходный период можно найти компромисс, построить железнодорожный мост, поднять этот участок рельсов.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197286>